

ской культурной жизни, какъ отрадное проявленіе глубокаго интереса къ вопросамъ славянской современности и прошлаго. Кайсаровъ подъ впечатлѣніемъ своего славянскаго путешествія писалъ Стратимировичу, что главной его цѣлью отнынѣ „всегда будетъ славянская исторія вообще и языкъ славянской“.

Къ сожалѣнію, путешествіе это не принесло плодовъ для русской науки вслѣдствіе, прежде всего, безвременной смерти Кайсарова, съ другой стороны—въ виду предпочтенія Тургеневымъ занятій русской исторіей, для изученія которой онъ издалъ въ послѣдствіи цѣнныя собранія документовъ. Тургеневъ въ письмѣ къ отцу (1804 г.) признавался, что, увлекаясь Славянствомъ, онъ не думалъ о каѳедрѣ, изучалъ его „для самого себя“, единственно изъ любознательности, ибо „пропустить такой случай, какой мы имѣемъ, узнать своихъ сродниковъ во всѣхъ отгнѣкахъ, право, было бы русскому стыдно“. Весьма цѣнное признаніе и показатель высокаго идеалистическаго настроенія русской молодежи въ началѣ XIX столѣтія. Но увлеченіе обоихъ друзей Славянствомъ отцвѣло, не расцвѣтши.

Прочіе были заложены основанія изученія Славянства въ московскомъ кругу ученыхъ, принадлежавшихъ въ большинствѣ къ числу профессоровъ университета, но объединившихся внѣ его, вокругъ графа Н. П. Румянцова, уже издавна проявлявшаго интересъ и къ старинѣ отечественной и къ древности славянской. Графъ еще въ концѣ XVIII ст. (въ 1791 г.) желалъ войти въ научныя сношенія съ аббатомъ Іос. Добровскимъ, много позже переписывался съ нимъ и непрестанно съ тѣхъ поръ направлялъ свои труды, заботы и средства къ широкому изслѣдованію славянской и русской старины. Большинство великолѣпныхъ по внѣшности и по своимъ научнымъ качествамъ изданій, осуществившихся на средства Румянцова, относились преимущественно къ древней русской письменности и исторіи—это были: „Дрѣвнія російскія стихотворенія“ Кириши Данилова, изд. подъ редакціей Малиновскаго и Калайдовича; „Памятники русской словесности XII в.“ (ред. Калайдовича), Судебники Іоанна III и IV, Софійскій Временникъ (ред. Строева), далѣе слѣдовали: во-первыхъ, блестящее изслѣдованіе Калайдовича, „объясняющее исторію словенскаго языка и литературы IX и X столѣтій“—„Іоаннъ Ексархъ Болгарскій“, первый въ наукѣ опытъ документальной исторіи „едва имовѣрной“ литературы славянъ начала X вѣка; во-вторыхъ, непревзойденное и позднѣйшими изданіями высоко-образцовое „Собраніе словенскихъ памятниковъ“ Кешпена (при участіи Востокова), т. е. изданіе и изъясненіе Фрейзингенскихъ отрывковъ,—